

ЧУДЕСА СТРАН

Т. А. Шумовский

Арабы и море

Теодор Адамович Шумовский
Арабы и море. По страницам рукописей и книг
Серия «Чудеса стран»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9749750

Арабы и море: по страницам рукописей и книг = Arabs and the sea: after old manuscripts and books /

Т.А. Шумовский. – 2-е изд., испр.: Издательский дом Марджани; Москва; 2010

ISBN 978-5-903715-25-1

Аннотация

Второе издание научно-популярных очерков по истории арабской навигации Теодора Адамовича Шумовского (род. 1913) – старейшего из ныне здравствующих российских арабистов, ученика академика И.Ю. Крачковского. Первое издание появилось в 1964 г. и давно стало библиографической редкостью. В книге живо и увлекательно рассказано о значении мореплавания для арабо-мусульманского Востока с древности до начала Нового времени. Созданный ориенталистами колониальной эпохи образ арабов как «диких сынов пустыни» должен быть отвергнут. Эпоха Великих географических открытий во многом опиралась на достижения средневековых арабских географов и мореплавателей. Задолго до европейского продвижения на Восток они освоили Средиземноморье и Индийский океан. Арабские лоцманы участвовали в морских экспедициях европейских первооткрывателей. В основу книги положено исследование уникальных арабских рукописей лоцмана Васко да Гамы Ахмада ибн Маджида и Сулаймана аль-Махри (XV в.), сочинения которых переведены Т.А. Шумовским на русский язык.

Содержание

О ремесле историка в стихах и прозе	5
Предисловие автора к первому изданию	10
Над старыми рукописями	11
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Теодор Адамович Шумовский

Арабы и море: по страницам рукописей и книг

Theodor Shumovsky

ARABS AND THE SEA!

AFTER OLD MANUSCRIPTS AND BOOKS

Second corrected edition

Marjani Publishing House

О ремесле историка в стихах и прозе

Книга, которую читатель держит сейчас в руках, довольно необычна. Она написана почти полвека назад российским арабистом Теодором Адамовичем Шумовским по «горячим следам» уникальных арабских лоций Индийского и Тихого океанов XV – начала XVI в., которые он тогда изучал, переводил и печатал. Необычна сама тема книги. Арабское мореплавание эпохи Средневековья и начала Нового времени как область исторической географии все еще относится к редким областям востоковедения. Занятия ею требуют не только основательных познаний в специальных гуманитарных дисциплинах, но и умения разбираться в других более точных и естественных науках, включая очень специфический средневековый арабский морской словарь. В этой области работали и работают единицы, хотя отдельные из них и заслужили признание и уважение среди востоковедов. В XX в. к ней обращались французский востоковед Габриэль Ферран, русский арабист Игнатий Юлианович Крачковский, известный широкой публике благодаря своему переводу Корана, а также его ученик Шумовский, старейший из ныне здравствующих арабистов России. Последний из них, автор этой книги, остается сегодня чуть ли не единственным российским специалистом в этой области.

Необычен не только предмет, но подход и стиль этой работы. Арабисты классической школы, к которой принадлежит и автор книги, привыкли ограничиваться изучением текста, работа с которым целиком поглощает их внимание. Исторический контекст, эпоха и люди, писавшие, переписывавшие и читавшие изучаемые ими сочинения, большинство классиков, как правило, не интересуют. По своей специальности Т.А. Шумовский именно источниковед-текстолог. В начале своей научной карьеры он также двигался по этому общему пути. Им были переведены и прокомментированы сочинения лоцмана Васко да Гамы Ахмада ибн Маджида и его младшего современника Сулаймана ал-Махри. Еще в 1948 г. он защитил в ленинградском Институте востоковедения кандидатскую диссертацию о творчестве ибн Маджида по рукописи его сочинений из рукописного Фонда института. В историю российского востоковедения Шумовский вошел, опубликовав в 1957 г. три стихотворные лоции Ахмада ибн Маджида, за которыми в 1985 и 1986 годах последовали два пухлых тома с критическим изданием арабского текста и русским переводом «Книги польз об основах и правилах морской науки». В 1975 году Шумовский подготовил к печати откомментированный перевод «Махрийской опоры для прочного приобретения морских знаний» Сулаймана ал-Махри. По ряду причин выход книги в свет задержался больше чем на четверть века, и только в 2009 году она попала в издательство. Наконец, тема докторской диссертации Шумовского, защищенной еще в 1957 году, была история арабской морской географии.

Название этой диссертации было тем же, что и у книги, первое издание которой выпущено в Москве в 1964 году, – «Арабы и море». Что и говорить: сказано просто, сильно и в чем-то вызывающе, ведь арабы ассоциируются у российского и вообще европейского читателя не с морем, а с сушей, прежде всего с безводными пустынями Ближнего Востока и Северной Африки. О значении моря в истории становления арабской культуры, общества и государственности читатель узнает со страниц этой книги. Один из ее главных выводов состоит в признании давних связей Европы с мусульманским Востоком. Эпоха Великих географических открытий опиралась на достижения средневековых арабских географов и мореплавателей. Задолго до европейского продвижения на Восток они освоили Средиземноморье и Индийский океан с частью Тихого. Пример Ибн Маджида показывает, что арабские лоцманы участвовали и в морских экспедициях европейских первооткрывателей. Интересно, что к похожим выводам пришли и западные медиевисты, предпочитающие говорить о тесных контактах Европы с «миром ислама» со времен крестовых походов. Созданный ори-

енталистами колониальной эпохи образ арабов как «диких сынов пустыни» сегодня почти полностью отвергнут¹.

Но об этом более обстоятельно читатель прочтет у самого Шумовского. Я хочу отметить другое. В отличие от диссертации и изданий арабских лоций, в которых основное место занимают тексты источников, в небольшой книжке 1964 года, которая сейчас переиздается, речь идет не только и не столько о рукописях и исторических обстоятельствах их появления, сколько о труде историка, занимающегося рукописями. По этой причине книга получилась во многом автобиографичной. Вместе с автором мы переносимся на полвека, если не больше, назад и проходим шаг за шагом детективную историю находки уникальных арабских лоций, да еще и в стихах, в фондах бывшего Азиатского музея и Института востоковедения, а ныне Института восточных рукописей в С.-Петербурге, постепенной расшифровки рукописи начиная с начала 1930-х годов, когда автор этой книги был еще студентом. В лучших традициях арабской литературной традиции, которая приучает читать предшественников и создала даже особый жанр комментария и супракомментария (*шарх* и *хашия*), книга Шумовского в чем-то служит продолжением многократно переиздававшегося сборника эссе его учителя академика Крачковского «Над арабскими рукописями». Недаром ее первая часть намеренно перефразирует его название.

Писать о ремесле историка – задача неблагодарная. Несмотря на наличие известных и признанных примеров (например, книги французского медиевиста Марка Блока «Апология истории»), к мысли о возможности, если не необходимости, описать труд исследователя сами историки пришли совсем недавно. Долгое время считалось, что не следует вводить читателя в свою «кухню», ограничиваясь парадным фасадом научных монографий. Девятнадцатое, да и недавно минувшее двадцатое столетие вообще слишком пренебрежительно относились к жизни и творчеству отдельного человека. Общее не только для востоковедения, но и в целом для гуманитарных наук минувшей эпохи чрезмерное увлечение глобальными теоретическими схемами во многом обеднило даже самые удачные научные исследования, кабинетные творцы которых пытались представить читателю не отдельную личность, а массы, но на деле, как правило, не могли показать ни отдельного человека, ни тем более масс. Сегодня правилом хорошего тона, по крайней мере в западной науке, стало, наоборот, отрицать подобный эссенциализм в подходах и смеяться над наивными, а нередко и ханжескими заявлениями историков XIX–XX вв. о стремлении к наибольшей объективности изложения. Но одно дело заявлять о своих намерениях, а другое – хотеть и уметь их выполнить.

Не всякому дано увлечь читателя повествованием о старых, непонятных для неспециалиста рукописях и заботах историка. Об авторе этой книги этого не скажешь. Он умеет не только качественно делать работу историка, но живо и увлекательно описать ее. Академическая наука пока слишком мало задумывалась над формой изложения и передачи текстов источников. Как известно, большую роль в арабо-мусульманской литературной и научной традиции играла поэзия. Самые различные авторы со времен возникновения ислама и даже раньше нередко выражали свои мысли в стихах. При этом по содержанию они могли относиться к самым различным областям знания – от истории и географии до политики и права. Арабские лоции, над которыми работал Шумовский, частью тоже были изложены в стихах. Так вот, работая над арабскими рукописями, он пришел к мысли о необходимости передачи их формы художественными средствами русского языка, чтобы не лишать русскоязычного читателя возможности испытать те же чувства, которые возникают у араба при чтении оригинала. В своих книгах Шумовский выразил собственные принципы художественного пере-

¹ Изучение культурных и экономических связей между католическим Западом и мусульманским Востоком в бассейне Средиземного моря в Средние века позволило также подвергнуть сомнению выдвинутый в начале XX в. Анри Пиренном тезис о том, что мусульманские завоевания и создание Арабского халифата отрезали Европу от Ближнего Востока. См., например: *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

вода, не приемля рабского следования грамматической структуре оригинала. В этом Шумовский был неодинок. Поиски более адекватных средств художественного перевода волновали крупнейших представителей русского востоковедения XX в., таких как известный китаист и переводчик Василий Михайлович Алексеев или специалист по литературе древнего Ближнего Востока Игорь Михайлович Дьяконов².

Классическая арабо-мусульманская научная и литературная традиция во многом основана на цитировании и комментировании предшественников. Много в сочинениях по арабской морской географии порой невозможно понять без обращения не только к истории средневековой навигации, но и к более широкому пласту культуры того времени. Свой комментарий к прочтению арабских лоций XII–XVI вв. дает и автор «Арабов и моря». Во вторую главу книги вошли увлекательные экскурсы-повествования о морских путешествиях и открытиях на Ближнем Востоке и в Африке со времен Древнего Египта и Финикии до правления арабских халифов и османских султанов. Кроме адмиралов, политиков и торговцев на ее страницах мы встречаемся с учеными и поэтами. Не раз автор цитирует и Коран, причем в собственном поэтическом переводе, работать над которым он начал еще в середине XX столетия, когда первое издание книги только готовилось к печати, а закончил через более чем тридцать лет, в 1995 г. Внимательному читателю несложно заметить следующую особенность переводов Шумовского: они становятся более сухими и дословными, когда речь идет о лоциях и морском деле, более раскованными и свободными в художественных арабских текстах, включая аяты Корана. Более последовательно автор претворяет свои соображения о значении художественного перевода во всем, что касается менее специальных, чем мореплавание, областей средневековой арабо-мусульманской культуры.

Насколько такие переводы нужны? Ведь Коран не раз переводился с арабского на русский. Кроме изданного посмертно чернового перевода Крачковского есть дореволюционные переводы Г.С. Саблукова и Д.Н. Богуславского. Почему же попытки перевести Коран не прекращаются? Дело в том, что все названные переводы передают лишь содержание памятника, пренебрегая его художественными особенностями, а перевод Крачковского порой приближается к темному для понимания непосвященного подстрочнику. Между тем арабский Коран представляет собой яркое художественное произведение. Он написан ритмической прозой (садж'), близкой по форме к поэзии. Надо было быть Пушкиным, чтобы по дурному двойному переводу с французского понять в XIX в. художественные достоинства Корана, выразив их в его знаменитых «Подражаниях Корану». Современному русскому читателю пока не хватает хорошего художественного перевода Корана. Появившийся одновременно с изданием Шумовского новый академический перевод дагестанского востоковеда Н.О. Османова также не стремится передать художественную форму «Откровения». Что уж говорить про сделанный в 1993 г. не знающей арабского языка Викторией Пороховой жульнический и по временам совершенно бессмысленный «перевод смыслов», по существу сводящийся к испорченному «переводчицей» переводу Крачковского! В этих условиях попытка стихотворного перевода Шумовского была смелым новшеством. Если спуститься от Корана к стихам средневековых арабских поэтов, понять значение новаторства Шумовского можно, сравнив его переводы с помещенным в этой же книге переводом отрывка из поэмы ал-Хурайми, выполненным В.Э. Эберманом в классической, но несколько косноязычной манере.

Научно-популярный жанр книги позволил Шумовскому свободнее обращаться с временем и пространством. Он начинает свою книгу воспоминаниями о начале своих штудий над лоциями и стихами Ахмада ибн Маджида в пред- и послевоенном Ленинграде, затем переходит к истории арабского мореплавания и постепенно все более уходит в седую древ-

² См., например: Алексеев В.М. Предисловие // Антология китайской лирики VII–IX вв. по Р.Х. М.-Пг., 1923. С. 13–18; Дьяконов И.М. Переводчики // Дьяконов М.М., Дьяконов И.М. Избранные переводы. М., 1985. С. 6–12.

ность. Не нужно, однако, думать что средневековое арабское мореплавание имеет сегодня чисто академический интерес. История остается тесно связанной с политикой, лишний раз подтверждая высказанную еще «арабским Марксом» XIV в. Ибн Халдуном истину о том, что «меч и перо», власть и знание всегда идут в истории человечества рука об руку. Обратим внимание на одно замечание автора, оброненное им в первой главе. Почему в разгар холодной войны, еще в 1957 году, молодому и беспартийному Шумовскому удалось быстро издать свой перевод Ибн Маджида? В дело, к счастью, вмешался суэцкий кризис: после национализации правительством Насера Суэцкого канала в Египте перед арабской (и советской) наукой была поставлена задача доказать Европе существование у арабов собственных и независимых от Европы традиций мореплавания. Здесь как нельзя кстати оказались надолго забытые арабские лоции, которыми занимался Шумовский. Его коллеги, изучавшие мусульман Средней Азии, были менее счастливы: после советского вторжения в Афганистан в 1978 году целый ряд невинных исторических монографий о России и мире ислама был задержан в Восточном отделении издательства «Наука».

Не следует, однако, думать, что научный и жизненный путь Шумовского был легкий и приятен. Политика ворвалась и в его судьбу. Накануне окончания университета научная карьера Шумовского вместе с изучением арабских лоций надолго прервались. Ему довелось многое пережить, в первую очередь два ареста и почти пятнадцать лет сталинских концлагерей и политической ссылки в Западной Сибири, о чем по вполне понятным в 1964 году цензурным соображениям он никак не мог рассказать на страницах этой и других своих книг. Ко времени выхода первого издания книги эпоха репрессий потеряла свой массовый характер, «культ личности» был официально осужден в 1956 году, и перед ученым, как и перед миллионами его современников, сумевших сохранить жизнь в сталинской мясорубке, «извинились», и дела их были закрыты. Однако привлекать внимание читателя к сталинскому террору при раннем Брежневе стало не принято, и Шумовский смог лишь кратко отметить, что был репрессирован дважды, в 1938 и 1948 годах, и окончательно реабилитирован только в 1957 году.

Трагическая судьба ученого не исключение в печальной истории современной русской науки и культуры. Политические репрессии 30-х годов XX в. и последовавшая за ними война искалечили и погубили немало ученых. Зимой 1941 г. в застенках ленинградского НКВД скончался профессор А.Н. Генко, с которым случай раз свел Шумовского в тюрьме в 1938 г.³ Погибли китаисты Ю.К. Щуцкий и Б.А. Васильев, японист Н.А. Невский, оригинальный переводчик античных авторов Адр. Пиотровский и многие, многие другие. Почти вся старая дореволюционная профессура, в том числе учитель Шумовского И.Ю. Крачковский, подвергались травле. Крачковскому так и не удалось завершить отделку русского перевода Корана, заказанного ему в 1921 г. издательством «Всемирная литература», но запрещенного к изданию в 1930 г. по негласному указанию Жданова. Все эти случаи давления власти на науку в советское время стремились не предавать гласности. В биографии Шумовского, помещенной в 1975 г. в словаре советских востоковедов С.Д. Милибанд⁴, ни о каких посадках, конечно, не говорилось. В статье о нем указан лишь год окончания университета (1946) без даты поступления, чтобы у читателя не возникло ненужных вопросов, почему учеба Шумовского в вузе затянулась почти на 15 лет.

Сегодня положение кардинальным образом изменилось. В рассказе о советском прошлом почти все дозволено. Советская цензура пала еще в начале 90-х годов прошлого века. Сталинские репрессии стали модной темой. Даже те, кто не пострадал при советской вла-

³ Публикацию отрывка из рукописи книги Т.А. Шумовского «Русско-арабские встречи» о встрече с А.Н. Генко в «Крестах» см.: *Шумовский Т.А.* Голос памяти (воспоминания сокамерника) // Восток, 2004. № 6. С. 141–142.

⁴ Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь советских востоковедов. М., 1975. С. 619.

сти, стараются выставить себя в роли мучеников «тоталитарного» советского режима. Тем не менее при подготовке второго издания книги автор и редакция решили почти ничего в ней не менять, ограничившись правкой переводов и неточностей в передаче ближневосточных имен и реалий. По какой причине? Прежде всего потому, что взгляды автора на историю арабского мореплавания с 1964 г. существенно не изменились. Что же касается «запретных» полвека тому назад тем, прежде всего из биографии автора, читатель найдет их в воспоминаниях Т.А. Шумовского «Свет с Востока», полное издание которых вышло в С.-Петербурге в 2006 г. и было недавно переиздано⁵. Совсем иное дело книга «Арабы и море». По своему жанру публикуемые ниже очерки не отнесешь ни к статьям, ни к мемуарам. Это скорее свободные эссе-размышления арабиста над прожитой жизнью и любимой наукой. Это поистине «живой голос» живого современника недавно минувшего XX столетия.

В.О. Бобровников

⁵ Шумовский Т.А. Свет с Востока. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2006; 2-е изд. СПб.: Диля, 2009.

Предисловие автора к первому изданию

Писать научно-популярную книгу и легко, и трудно. Легко потому, что читатель, доверяя знаниям автора, не требует объективных доказательств его правоты в виде тщательно построенного критико-библиографического аппарата, работа над которым всегда отнимает много сил; у заветных же врат, через которые исследование входит в науку, стоят недреманые стражи – официальные и неофициальные оппоненты, зорко вглядывающиеся в каждую строку, отмечающие малейшую шероховатость в произведении своего коллеги, и приговор их бывает неумолим: сокровищница человеческих знаний может пополняться лишь совершенными, безукоризненно отшлифованными творениями, созданными не только холодным умом знатока, но и пылающим сердцем провидца; это нужно для науки и вдвойне, когда научное достижение, выходя за пределы круга специалистов, становится достоянием всего общества, удовлетворяя одну из его практических или духовных потребностей. Здесь начинается трудность научного письма, предназначенного для широкого круга читателей, состоящая в специфике профессионального языка. В научном обиходе он имеет сложившиеся каноны, которые не всегда легко преодолеть: традиционный стиль, своеобразную манеру изложения материала, свойственную ученым и непривычную за пределами мира науки. Между тем задача популярной книги – сделать квалифицированное научное открытие достоянием огромной массы людей разного культурного уровня – требует до известной степени ломки этого языка и обращения к нормам обиходной литературной речи, но в такой мере, чтобы при этом не сбиться на менторский тон, избежать позы и упрощений. Не имея достаточного опыта, удержаться в «золотой середине» трудно, однако в этом заключена и своя честь: ученый должен уметь пропагандировать свои убеждения.

Таким образом, когда я получил предложение написать эту книгу, мне после длительных раздумий стало ясно, что для выполнения задачи нельзя идти по пути перепечатки глав или даже отдельных страниц ранее подготовленного мною труда по истории арабской навигации. Я изложил весь материал заново, перестроив язык и опустив вспомогательный аппарат, который не-востоковеду мог показаться обременительным, то есть старался все время держаться линии научно-популярного рассказа. Насколько это удалось, определит читатель. Даты под этим вступлением указывают на время написания книги. Пусть не посетует тот, кому она попадет в руки, на то, что мне иногда приходится, может быть слишком много, говорить о себе, – изучение арабского мореплавания давно стало делом моей жизни, личное и общественное тесно переплелись, и разделить их трудно. Если предлагаемая работа окажется полезной для тех, кто пожелает с ней познакомиться, то заслуга в значительной мере будет принадлежать светлomu уму моих учителей, образ которых незримо присутствует на этих страницах.

*25 февраля – 1 августа 1962 года,
Ленинград, Т.А. Шумовский*

Над старыми рукописями

Работа над рукописями несет свои радости и свои горести, как все в жизни. Однако рукописи ревнивы: они хотят владеть вниманием человека целиком и только тогда показывают свои тайны, открывают душу – и свою, и тех людей, что были с ними связаны. Для случайного зрителя они останутся немые: как лепестки мимозы от неосторожного прикосновения, закроются их страницы, и ничего не скажут они скучающему взору.

И.Ю. Крачковский

Всем нам памятна повесть про удивительные приключения Синдбада, вошедшая в книгу «Тысячи и одной ночи». С 1704 года, когда французский переводчик Галлан навечно ввел эту книгу в культурный обиход Европы, поколения читателей вдыхают пряный аромат своеобразного мира арабских сказок, замороженные неувядающим очарованием древних страниц. Апофеозом отзвука является романтическая «Шехерезада» Н.А. Римского-Корсакова. Будучи, подобно А.К. Толстому в литературе и В.М. Васнецову в живописи, поэтом русской старины, композитор, естественно, не мог пройти мимо связей России с Востоком, но, как невостоковед, обращал свое внимание лишь на экзотически притягательное проявление характера чужого народа, не проникая в механизм этой эффектной поэзии, служащей полем труда специалистов. В обычном восприятии Синдбад не выходил за пределы сказки; критическая же мысль пыталась по его рассказам воссоздать реальную картину арабского судоходства в пору Средневековья. Удачливый багдадский негоциант казался классическим типом восточного мореплавателя – представление, столь же упрощенное, сколь и устойчивое, перешедшее в XX век.

Путешествия Синдбада в заморские страны, даже когда в них не видели вымысла, казались случайными, ибо никто в XIX веке не думал всерьез о причастности арабов к навигации: в глазах самых глубоких исследователей они были преимущественно сухопутным народом, нацией фанатиков и воинов, купцов и скитальцев, сынов пустыни и городского ремесла. Пристальный филологический анализ открыл западному миру немеркнущие в веках созвездия арабских ученых и поэтов, витязей утонченной мысли и отточенного слова. Тяжелые своды и ажурные взлеты башен в мечетях и дворцах мусульманского Востока предстали каменными летописями славы арабских зодчих; тысячи изящно переписанных рукописей показали, на какой высоте в мире этой культуры стояло древнее искусство каллиграфии; были среди арабов граверы и шахматисты, даже при всей пуританской строгости нравов, завещанной Кораном, – светские актеры и музыканты. Но моряки, дальние плавания, сложившиеся традиции судоходства! Такое допущение шло вразрез с укоренившимся представлением о жителях Аравийского полуострова. Перед глазами ученых вставала цепь выжженных солнцем пустынь, которая даже на севере, у Иерусалима, виделась поэту «безглагольной и недвижимой». Редкие пятна оазисов, пересыхающие, теряющиеся в песках реки... Мелководье, зной и пираты у морских побережий. Грозные просторы океана, чуждые вечным кочевникам. Отсутствие леса для верфей. И куда и для чего плавать, если громадный конгломерат царств от Испании до Индии уже покорен сухопутными армиями наместников Пророка? Слабый росток морской темы в науке об арабах блекнул и поникал.

Так было, хотя еще на заре девятнадцатого столетия австрийский ученый Хаммер-Пургшталь приобрел в Стамбуле рукопись турецкой морской энциклопедии XVI века, основанной на арабских источниках. Автор этой «Энциклопедии в рассуждении науки о небесах и морях» адмирал султанского флота Сиди Али ибн Хусейн Челеби в 1551 году был поставлен во главе эскадры, призванной остановить португальскую экспансию в Индийском

океане. После двух неудачных сражений с португальцами уцелевшие девять турецких кораблей в виду острова Диу попали в пятисуточный шторм. Чудом оставшийся в живых адмирал с небольшой частью экипажа были выброшены на западный берег Индии. Здесь, в провинции Гузерат, ему пришлось провести три года. Челеби подолгу беседовал с местными моряками и зачитывался арабскими трактатами по навигации; плодом этих занятий явилась «Энциклопедия», оконченная в 1554 году. В предисловии к своему сочинению автор называет в качестве источников три произведения своего старшего современника Сулаймана из Махры в Южной Аравии, два основных свода, составленных лоцманом XV века Ахмадом ибн Маджидом, а также устные сведения о деятельности трех кормчих XII века – Мухаммада ибн Шазана, Сахла ибн Абана и Лайса ибн Кахлана. Венский первооткрыватель не заметил этого красноречивого признания.

Несколько позже Хаммер-Пургшталля, опубликовавшего в 30-х годах XIX века ряд фрагментов из «Энциклопедии» в английском переводе, видный французский ориенталист Рено обнаружил отрывки из сочинения Челеби в географическом труде восточного библиотекаря Хадджи Халифы. Увы, источники турецкого трактата и на этот раз не заставили ученого задуматься. «Челеби заимствовал из разных арабских сочинений, которые до нас совершенно не дошли...»⁶ Эти слова писались парижским ученым в 1846 году, когда четыре из пяти «не дошедших до нас» трудов вступали в состав одной из рукописей старого фонда во второе столетие своей жизни в Национальной библиотеке французской столицы.

Другой список «Энциклопедии», датированный 1571 годом, находился в Неаполе, и это объясняет, почему два исследования, посвященные турецкому памятнику и опубликованные уже в середине 90-х годов XIX столетия, принадлежат итальянцу Бонелли. Однако венская рукопись Хаммер-Пургшталля, переписанная в 1559 году, еще при жизни Челеби, считалась более надежной. По ней в 1897 году, к 400-летию первой экспедиции Васко да Гамы, в Австрии были изданы, М. Биттнером и В. Томашеком немецкий перевод топографических частей «Энциклопедии» (лоция Индийского океана) и 30 пояснительных картографических таблиц.

Вопрос об арабских источниках этого столь давно изучавшегося в Европе труда, на исходе века оставался неразрешенным. Томашек писал: «Как редкий, а может быть, и единственный памятник морской литературы Востока в последнем столетии Средневековья, компиляция Челеби обладает неоценимой важностью»⁷. В рецензии на его книгу итальянский исследователь Конти Россини утверждал, что «никакой из арабских морских текстов и ни один из их авторов неизвестны по другим источникам»⁸. Между тем ко времени венского издания уже три рукописных сборника арабских лоций хранились в библиотеках Европы: в Париже к уже упоминавшемуся списку с четырьмя сочинениями, из которых заимствовал Челеби, добавилась рукопись с 19 мореходными руководствами того же Ахмада ибн Маджида, приобретенная Национальной библиотекой в 1860 году; в Петербурге среди ранних поступлений коллекции Азиатского музея Академии наук с 1818 года находился скромный томик с тремя лоциями того же автора, трижды описанный в каталогах первой половины XIX века. Все эти документы, в которых своеобразие содержания создало и своеобразный трудный стиль, памятники, расшифровка которых требовала, кроме всего прочего, еще и специальных навигационных знаний, настолько отличались от уже изученного в европейской науке типа арабских географических сочинений, что их обходили даже крупные специалисты.

⁶ J.T. Reinaud. *Geographie d'Aboulfeda*. Paris, 1846. P. 166.

⁷ Die topographischen Capitel des indischen Seespiegels Mohit. Übersetzt von Dr. M. Bittner mit einer Einleitung sowie mit 30 Tafeln versehen von Dr. W. Tomaschek. Wien, 1897. S. 6.

⁸ Rossi C. Un portulano turco // *Bolletino della R. Societa Geografica Italiana*, 1897. Ser. III. X. Fasc. XII.

Выдающийся ориенталист второй половины XIX века де Слэн, описывая в каталоге рукописей парижской Национальной библиотеки самое значительное произведение арабского мореведения – «Книгу польз в рассуждении основ и правил морской науки» Ахмада ибн Маджида, отзывался о нем так: «Стиль этого произведения весьма растянутый и насыщен техническими терминами, смысл которых понятен лишь морякам Индийского океана». Этот авторитетный приговор был произнесен в 1895 году, когда изучение труда Челеби вступило уже в седьмое десятилетие.

Вряд ли кто-нибудь из исследователей думал в ту пору найти в арабских материалах то, о чем не было бы сказано в «Энциклопедии» турецкого мореплавателя, и никто не обратил внимания на совпадение названий крупных сочинений в рукописях Национальной библиотеки с упоминаемыми у Челеби. Так ученая Европа пренебрегала корнями в то время, как давно уже вдыхала экзотический аромат их цветов: кроме «Энциклопедии» и повестей о Синдбаде востоковедам XIX века были известны «Сказания о Китае и об Индии» автора IX столетия Абу Зайда из портового города Сираф, изданные с французским переводом дважды, в 1718 и 1845 годах, аббатом Ренодо, Лангле и Рено; в 1883–1886 годах Ван дер Лит и Девик опубликовали сборник морских рассказов судовладельца десятого столетия Бузурга ибн Шахрияра из Рамхур-муза, озаглавленный «Чудеса Индии»⁹; одновременно крупнейший русский востоковед конца XIX века В.Р. Розен выпустил историческое исследование о византийском императоре Василии Болгаробойце, где около 30 страниц посвящено рассмотрению данных об организации арабского флота в Средиземном море, о первых верфях и существовавших типах судов, приводимых в хрониках некоторых средневековых авторов. Помимо этих изданий, в течение XIX века появился ряд небольших работ на частные темы восточного мореплавания, порожденных «Энциклопедией»; одни из них забыты, другие надолго пережили своих создателей и оказались достойными переиздания в нынешнем столетии.

* * *

Габриэль Ферран своей деятельностью в начале XX века положил основание новой области востоковедения.

⁹ См. в русском переводе: *Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии*. М., 1959.

Рис. 1. Габриэль Ферран

Это была пылкая натура с острым, пронизательным умом, ученый широких интересов, чья кипучая мысль всегда раздвигала избранное поле исследования далеко за привычные исторические и географические пределы, выполняя работу сразу нескольких специалистов. Разносторонний эрудит, он, однако, не был лишь блистательным книжником, и его рабочий кабинет на тихой парижской улице совсем не походил на башню из слоновой кости. Учителем его был африканист Рене Бассе, друзьями-соратниками – арабист Годфруа-Демомбин и египтолог Тюрро-Данжен, индианист Сильвэн Лева и синолог Пельо, десятками нитей он был связан со многими другими представителями современного ему востоковедения, и все они сходились на заседаниях Азиатского общества, где из их докладов о результатах проделанных изысканий, как Феникс из пепла, частица за частицей воссоздавалась живая ткань великой культуры разноязыкого Востока минувших эпох; они возводили на пьедестал науки новые положения, поражавшие неожиданностью, и ниспровергали старые, казалось, незыблемые, убеждались и убеждали, спорили и учились друг у друга.

Но для ученого этого было бы недостаточно. Решающим подспорьем всей научной деятельности Феррана, определившим успех его выступлений в Азиатском обществе, явилось длительное пребывание во французских владениях на Индийском океане. Мадагаскар, Пондишери и Аннам были ему известны по многосторонним личным впечатлениям, здесь он познакомился с местной традицией, видел своими глазами блеклые следы прошлого и не одним лишь мысленным взором, но и взыскательным исследованием скудно сохранившейся документации восстанавливал их славную историю.

Предметом исследований Феррана была культура народов Индийского океана в широком смысле, главным образом язык и география, точнее, язык применительно к географии, ибо последняя непременно присутствует во всех его работах, служа если не сюжетом, то более или менее заметным фоном. Он разрабатывал такие, казалось бы, далекие темы, как словарь мальгашей – жителей Мадагаскара, и происхождение географических названий Индонезии, иранские влияния в арабском языке и древние культурные связи между Явой, Индией и Китаем, в каждом случае показывая себя широким знатоком различных языков и разноязычной исторической литературы; это позволяло ему проводить параллели, недоступные другим специалистам, которые часто исследуют памятники культуры на одном языке и в лучшем случае оперируют параллельным материалом лишь родственных ему.

Особое внимание Феррана привлекала этническая и языковая близость жителей Мадагаскара и Суматры, повергавшая в недоумение многих исследователей. Опираясь на сохранившиеся данные исторической и литературной традиции, он смог прочно обосновать положение о том, что эта близость восходит к первоначальной общности, возникшей как плод индонезийской морской миграции через океан. Созданная смелой и уверенной рукой мастера, перед читателем разворачивалась живая картина великого переселения афроазиатских народов на рубеже старой и новой эры; теснимые колонистами, стремящимися от Короманделя, Ориссы и Бенгалии к Малайскому архипелагу, суматрианцы по зыбким океанским путям уходят на запад; уцелевшие из них добираются до Мадагаскара и вытесняют аборигенов; последние устремляются к северу, под их натиском жители Адена и оазисов Счастливой Аравии отодвигаются в глубь знойных пустынь полуострова... Пройдет несколько столетий, и эти пустыни извергнут многоплеменную людскую лавину, которая стремительно хлынет в четыре стороны света; для народов от Испании до Индонезии арабская речь станет первым или вторым родным языком.

При всем этом Ферран в значительной степени шел проторенным путем своих предтеч, на что указывает хотя бы традиционный состав источников в его такой сравнительно

поздней работе, как двухтомные «Арабские, персидские, турецкие отчеты о путешествиях и географические тексты, относящиеся к Дальнему Востоку, с VIII по XVIII вв.»¹⁰

Но в эту пору свершилось переломное событие, и, как это часто бывает в науке, произошло оно случайно. Двухтомник был уже почти готов к печати, когда Ферран и работавший с ним Годфруа-Демомбин, в последний раз просматривая каталог де Слэна, чтобы убедиться в том, что все источники использованы, обнаружили в фонде Национальной библиотеки две сборные рукописи с 27 арабскими трактатами XV и XVI веков по навигации в Индийском океане. Автором одного сборника, включавшего 19 произведений, значился «лев моря» Ахмад ибн Маджид; рукопись была приобретена в 1860 году у арабского преподавателя в Париже Сулаймана ал-Хараири; в другом списке, поступившем в Национальную библиотеку еще в начале XVIII века, основное место занимали пять сочинений лоцмана Сулаймана из южноарабской прибрежной области Махра. Словно золотая россыпь, Голконда науки, выплывшая из мглы былого, засверкали они перед потрясенными исследователями. 13 декабря 1912 года притихший зал заседаний Азиатского общества в Париже слушал сообщение Годфруа-Демомбина, который в своей сдержанной манере, кратко, но обстоятельно рассказал о значении открытых памятников.

Ферран был ошеломлен открытием, и его впечатлительная, увлекающаяся натура покинула золотую середину меры: едва успев установить, что в найденных рукописях содержатся именно те сочинения, на которые ссылается Челеби, он поспешил прийти к заключению, что отныне свод турецкого мореплавателя утратил всякую научную ценность, и это убеждение не покидало его до конца жизни. «Энциклопедия» турецкого адмирала в целом представляет не что иное, как перевод, иногда посредственный, обоих трактатов», – писал он в 1914 году. «Турецкий адмирал рабски воспроизводит мнения, изложенные Ахмадом ибн Маджидом и Сулайманом из Махры», – читаем в его работе 1928 года. И далее, в смежной статье того же времени: «С тех пор как обнаружены арабские источники «Энциклопедии», это сочинение не возбуждает более того интереса, который оно представляло в XIX столетии. К рабски компилятивному переводу этих источников Челеби прибавил лишь незначительные, бесполезные или даже сомнительные дополнения». Sic transit gloria mundi¹¹.

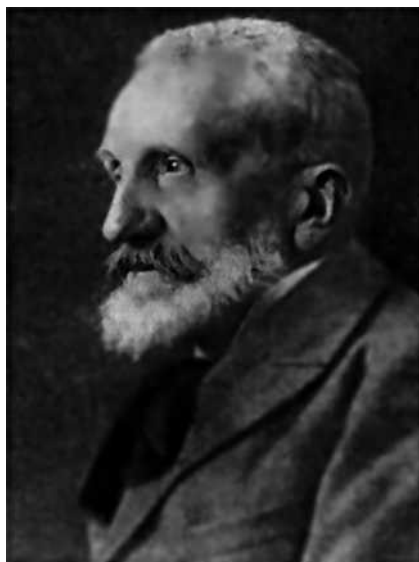

Рис. 2. Морис Годфруа-Демомбин

¹⁰ Relations de voyages et textes géographiques arabes, persanes et turks relatifs à l'Extrême Orient du VIIe au XVIIIe siècles. Paris, 1913–1914.

¹¹ «Так проходит слава мира!» (лат).

Между тем вопреки суровому отзыву Феррана «Энциклопедия» сохранила свое значение в науке и поныне: именно она, как заметил И.Ю. Крачковский, содержит первое в восточной литературе описание Нового Света, открытого всего шестью десятилетиями ранее. Не следует забывать, что автор был моряком, хотя и не столь опытным, как его арабские предшественники; он, как можно видеть из трактата, тщательно изучал их труды; не довольствуясь этим, расширял свои познания в живом общении с современными ему арабскими, персидскими и индийскими корабельщиками. Поэтому, когда Ферран характеризует его дополнения к использованным источникам как сомнительные, позволительно, в свою очередь, усомниться в обоснованности этого суждения.

Остается добавить, что дошедшие до нас факты биографии Челеби рисуют его в привлекательном свете: испытавший морскую катастрофу и выброшенный на чужой берег, не зная, во что обойдется ему гибель флота по возвращении на родину, он смог собрать силы и создать обширное и долговечное руководство для мореплавателей; он открыто назвал свои источники, что у современных ему восточных писателей, как и у их предшественников, встречается далеко не всегда; его отзыв об авторе двух использованных им крупных сочинений – Ахмаде ибн Маджиде исполнен душевной теплоты и сердечности: это, пишет он, «искатель правды среди мореплавателей, наиболее заслуживающий доверия из лоцманов и моряков Западной Индии в XV и XVI веках». Наконец, и в «Отчетах о путешествиях» Феррана, упоминавшихся выше, данным Челеби пришлось отвести весьма значительное место. Все это показывает, насколько несостоятельным бывает переход из одной крайности в другую.

После 1914 года Ферран был всецело поглощен изучением открытых рукописей. Особенное его внимание привлек наиболее плодотворный из двух авторов – Ахмад ибн Маджид: кроме девятнадцати произведений в одном сборнике, ему принадлежали три в другом; самое крупное сочинение содержало упоминание еще о десяти трактатах автора, а позднейшие исследования увеличили это число до тринадцати, затем до пятнадцати. Итого тридцать семь работ! В арабской географической литературе, как она известна сегодня, это явление незаурядное. По содержанию все это были технические описания условий навигации в разных частях Индийского океана, формально – почти исключительно стихотворные поэмы, где размер и рифма служили цели облегчить запоминание этих руководств наизусть; помимо небольшого рассуждения о приметах близкой суши, лишь один трактат, самый большой, был составлен в прозе. Однако не обилие образцов творчества Ахмада ибн Маджида заинтересовало Феррана и даже не самый жанр, неведомый традиционной европейской науке, а единичный эпизод из биографии арабского кормчего, неожиданно связавший его имя с историей западной географии.

«Да, Челеби упоминает об Ахмаде ибн Маджиде, – размышлял Ферран, – и это живое свидетельство почти современника: разница между ними составляет приблизительно полвека, отзыв турецкого адмирала еще сохраняет аромат почитания, облекавший свежую память о незаурядном арабе.

Но, помнится, кто-то еще называет это имя... Кто же? Где?» Не верилось, чтобы это был обман чувств, но в какой же из десятков просмотренных рукописей и сотен прочитанных книг мелькнуло это имя, всплыло и утонуло в пучине строк и листов, встретив равнодушный взгляд человека, которому оно тогда ничего не говорило? «Кто же? Где?» – напряженно думал Ферран. За днями прошли недели, и цепкая память филолога подсказала: ан-Нахравали. Да, Кутбаддин ан-Нахравали, набожный мекканский писатель, современник Челеби. Ревнитель мусульманской ортодоксальности, он, видимо, не случайно избрал местом своего проживания «Мать городов», где традиции были прочнее, где нравы сохранили больше первоначальных черт, нежели в поздних центрах раздробившейся арабской державы. Угрю-

мый свидетель упадка бывшего могущества арабов и возвышения иноземных пришельцев, он предоставлял выход своим чувствам в описании современных ему событий, которым давал собственную оценку. Ан-Нахравали принадлежит сочинение под традиционно замысловатым названием «Йеменская молния об османском завоевании», сохранившееся в рукописи парижской Национальной библиотеки, а также в фонде нашей Академии наук.

Ферран читал: «В начале десятого века¹² среди небывалых и злосчастных событий было проникновение проклятых португальцев, принадлежащих ко племени мерзостных франков, в местности Индии. Их отряд обычно выходил на кораблях из пролива Сеуты¹³ в Море¹⁴, вступал во Мраки¹⁵ и проходил позади Лунных гор... – это место, питающее истоки реки Нил. Достигши востока, они плыли вблизи от берега в бурном месте по опасному проливу, коего с одной стороны гора, с другой – море Мрака. Их корабли не могли приблизиться к этому месту без того, чтобы не разбиться; никто из них не спаслся. Они продолжали пребывать в том же положении некоторое время, гибли в этом месте, и никто из подобных им не мог благополучно проникнуть в Индийское море, пока не прорвался к Индии один парусник. Они не переставали добиваться сведений об этом море, и, наконец, им указал путь опытный человек из моряков, коего звали Ахмад ибн Маджид...»

Ученый бросился к португальским хроникам XVI века. Описывая пребывание весной 1498 года первой экспедиции Васко да Гамы в восточноафриканской гавани Малинди, историк Жоао да Барруш сообщал:

«Во время пребывания Васко да Гамы в Малинди со знатными индусами, посетившими португальского адмирала на борту его корабля, был некий мавр из Гузерата по имени Малемо Кана. От удовольствия разговаривать с нашими земляками, а также чтобы угодить королю Малинди, искавшему пилота для португальцев, он согласился отправиться с ними. Поговорив с ним, да Гама остался весьма удовлетворен его знаниями, особенно когда мавр показал ему карту всего индийского побережья, построенную, как вообще у мавров, с меридианами и параллелями, весьма подробную, но без указания ветровых румбов. Так как квадраты долгот и широт были весьма мелки, карта казалась очень точной. Да Гама показал мавру большую астролябию из дерева, привезенную им, и другие металлические астролябии для снятия высоты солнца и звезд. При виде этих приборов мавр не выразил никакого удивления. Он сказал, что арабские пилоты Красного моря пользуются приборами треугольной формы и квадрантами для того, чтобы измерять высоту солнца и особенно Полярной звезды, что весьма употребительно в мореплавании. Мавр добавил, что он сам и моряки из Камбея и всей Индии плавают, пользуясь некоторыми звездами, как северными, так и южными, и наиболее заметными, расположенными посреди неба, на востоке и западе. Для этого они пользуются не астролябией, а другим инструментом (который он и показал), состоящим из трех дощечек, который имеет ту же цель, что и у наших моряков балъестиля... После этого и других разговоров с этим пилотом да Гама получил впечатление, что в нем он приобрел большую ценность. Чтобы его не потерять, он приказал немедленно плыть в Индию и 24 апреля двинулся в путь.»¹⁶

Современник Барруша Дамиао да Гоиш отмечал: «Король Малинди дал Васко да Гаме хорошего лоцмана, мавра из Гузерата, по имени Малемо Канака»¹⁷.

У третьего летописца, Фернао Лопиша да Каштаньеды, значилось:

¹² X век мусульманского летосчисления начался в 1495 году.

¹³ Гибралтарский пролив.

¹⁴ Атлантический океан.

¹⁵ Часть океана к юго-западу от Африки.

¹⁶ *Joao de Barros. Decada primeira da Asia, dos feitos que os Portuguezes fizeram no descobrimento e conquista dos mares e terras do Oriente.* Lisboa, 1778. L. IV. P. 319, 320.

¹⁷ *Damiao de Goes. Chronica do felicissimo Rei D. Manuel.* Lisboa, 1790. L. I. P. 87.

«Васко да Гама прибыл в Малинди 15 марта 1498 года. Король Малинди послал к нему гузератского пилота по имени Канака 22 апреля, и да Гама отплыл с ним в Каликут 24 апреля»¹⁸.

Выдающийся португальский поэт Луиж Камознш, с музой которого русский читатель познакомился еще в XVIII веке, в патриотической эпоее «Лусиады» посвятил арабскому лоцману трепетные строки:

В кормчем, суда стремящем, нет ни лжеца, ни труса;
Верным путем ведет он в море потомков Луса.
Стало дышаться легче, место нашлось надежде;
Стал безопасным путь наш, полный тревоги прежде¹⁹.

Загадочная фигура проводника флотилии Васко да Гамы по имени Малемо Кана или Малемо Канака давно интересовала исследователей. Если в конце восемнадцатого столетия автор 22-томного немецкого свода по истории путешествий Теофил Эрман ограничился упоминанием того, что «в Малинди португальцы получили очень сведущего пилота по имени Канака или Малемо Кана»²⁰, то несколько позже знаменитый

Сильвестр де Саси, открывающий славную плеяду французских востоковедов XIX века, сделал первую попытку сопоставить это лицо с Ахмадом ибн Маджидом из хроники ан-Нахра-вали. Ограниченный состав материалов, которыми располагал де Саси, сужал поле его исследований, и решительного вывода он сделать не мог. В 1892 году португальский ученый Давид Лопиш в своей работе по истории завоевания Йемена османскими турками вернулся к свидетельству ан-Нахравали, однако и он не решил проблемы, ибо разрозненные данные, имевшиеся в распоряжении тогдашней науки, делали ее уравнием со многими неизвестными, слишком многими для построения правдоподобной гипотезы, как показалось тогда осторожным исследователям.

Увы, осторожность – необходимое качество ученого – в чрезмерной дозе становится препоной для развития науки. Даже в 1914 году, после обнаружения двух сборников с мореходными руководствами, Ферран писал, что «Ахмад ибн Маджид, капитан корабля, нам больше ничем не известен», хотя именно сочинения арабского навигатора одним только фактом своего существования дали ему ту опору, которой недоставало его предшественникам. В самом деле, обилие работ на специальную тему указывало, что автор не был случайным лицом в сфере своей профессии; дифференцированное содержание лций говорило о разносторонних познаниях, а описание в каждой из них сравнительно небольшого района – о глубоком проникновении в существо предмета. Все это объясняло тот пиетет, которым было окружено имя Ахмада ибн Маджида у турецкого мореплавателя, как и ту известность, которая позволила этому имени проникнуть в сочинение мекканского догматика.

Лишь понемногу, словно бы ощупью продвигаясь по неизведанному пути, Ферран начал осознавать значение трудов Ахмада ибн Маджида и возможность его отождествления с личностью лоцмана Васко да Гамы. Он читал выхваченную из многовекового забвения рукопись, пробегая одни доли текста, подолгу задерживаясь на других, и перед ним все более отчетливо вставал образ тонкого и взыскательного знатока южных морей, в совершенстве владевшего техникой парусной навигации. Глубокое знание морской астрономии и метеорологического режима в разных частях Индийского океана, подробное и точное представле-

¹⁸ *Fernao Lopes de Castanheda. Historia do descombrimento e conquista da India pelos Portuguezes. Lisboa, 1833. L. I. P. 41.*

¹⁹ Стихотворные переводы без указания переводчика принадлежат Т.А. Шумовскому.

²⁰ *Ehrmann T.F. Geschichte der merkwürdigsten Reisen welche seit dem zwölften Jahrhunderte zu Wasser und zu Land unternommen worden sind. Frankfurt am Main, 1791–1799. Bd. II. S. 332–333.*

ние о многочисленных гаванях, попутных признаках близости суши и рельефе дна на линии фарватера, обстоятельное знакомство с корабельными приборами и умение быстро найти правильное решение в чреватой неожиданностями обстановке рейса – именно эти качества, запечатленные в логиях Ахмада ибн Маджида, должен был соединять в себе проводник, которого искал да Гама, только он мог успешно справиться с поставленной перед ним задачей. Совпали и даты: произведения, имеющие хронологические пометки, располагаются в рукописи между 1462 и 1495 годами.

Эти данные, заключенные в подлинных трудах арабского морехода, сделали то, что было не под силу единичному свидетельству Челеби, – они придали сообщению ан-Нахравали об участии Ахмада ибн Маджида в экспедиции Васко да Гамы необходимый вес и научную убедительность, после чего экзотическая фигура «Малемо Канаки» португальских источников приобрела реальные очертания. Само имя его оказалось не собственным, как всегда считали, а нарицательным, возникшим от соединения арабского слова *муаллим* «наставник» с санскритским *ганика* «звездочет».

Одновременно с Ферраном, в 1917 году, на Востоке вопросом отождествления Ахмада ибн Маджида с «Малемо Канакой» занимался Ахмад Зеки-паша, генеральный секретарь египетского совета министров, большой знаток арабских материалов. Он, выступая в Александрии на конференции по вопросу о соперничестве между Египтом и Португалией из-за монополии в торговле с Индией, сопоставил свидетельства ан-Нахравали и португальских авторов и пришел к тем же выводам, которые были сделаны на Западе. Основания, на которых покоилось его решение, были, однако, менее прочны, ибо в поле его зрения отсутствовали подлинные произведения лоцмана, доступные Феррану.

В 1921 году Саид ал-Карми сообщил в печати о том, что обнаружена и поступила в библиотеку Арабской академии наук в Дамаске еще одна рукопись с трактатами Ахмада ибн Маджида. Она оказалась копией основной парижской рукописи этого автора, с которой позже по просьбе Феррана был сличен ее текст. Дублет другого сборника Национальной библиотеки, содержащего сочинения Сулаймана ал-Махри, был найден в Джедде. Но специального внимания они не привлекли.

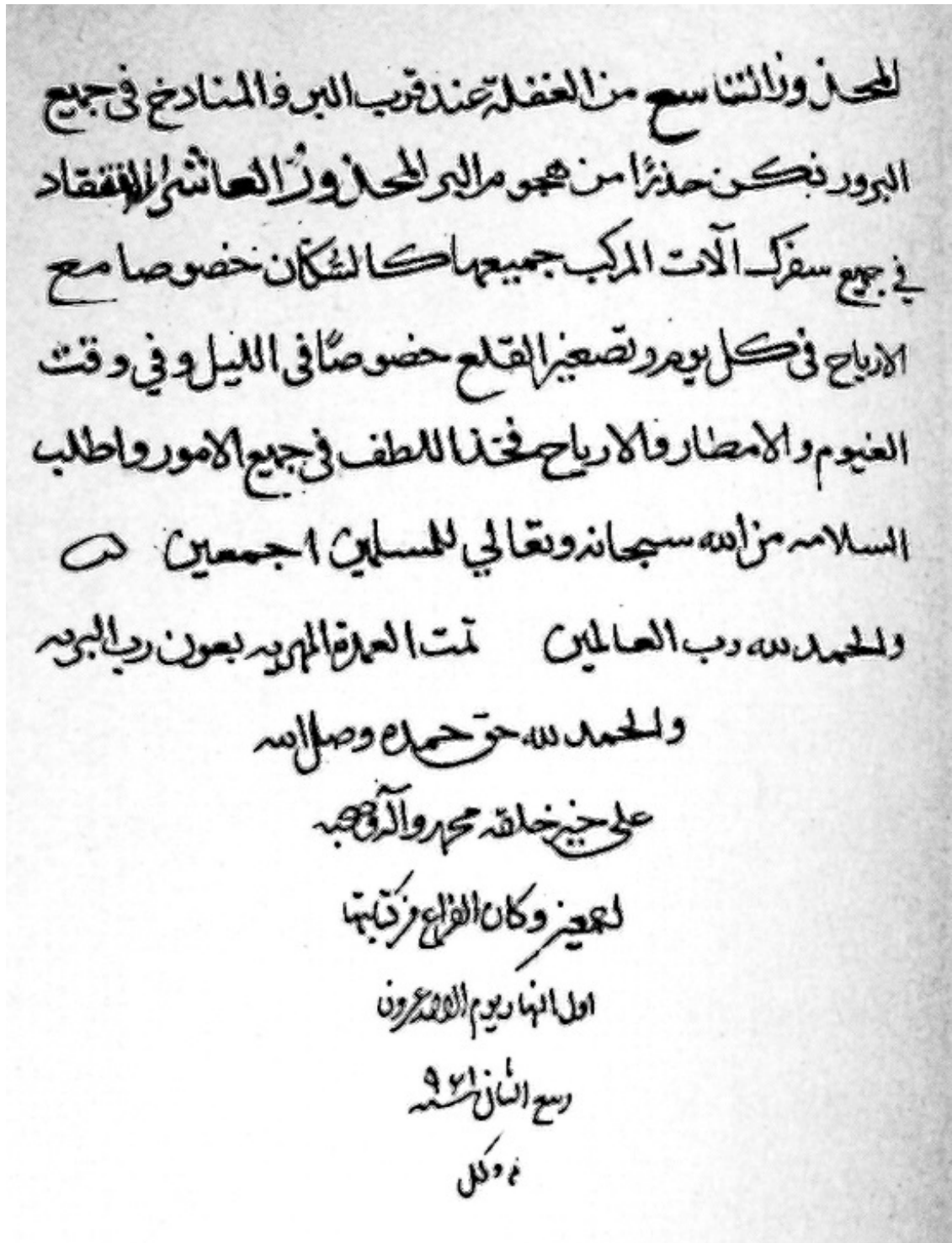

Рис. 3. Колофон рукописи Сулаймана ал-Махри

Между тем в Париже неутомимый Ферран последовательно вводил имена Ахмада ибн Маджида и Сулаймана ал-Махри, главным образом первого, в обиход науки. Своеобразная фигура лоцмана Васко да Гамы обнаруживает свое присутствие почти в каждой работе Феррана 1920-х годов. Самыми значительными достижениями французского ученого в это время были издание фототипических воспроизведений обеих рукописей Национальной библиотеки (1921–1925 годы) и опубликование сборника статей, комментирующих их данные по арабской морской астрономии с точки зрения современной науки (1928 год). Эти работы были задуманы как части широкого полотна, которое должно было представлять по перво-

начальному плану четырехтомное, по более позднему – шеститомное издание: I. Воспроизведение арабского текста рукописи, заключающей 19 произведений Ахмада ибн Маджида. II. Воспроизведение арабского текста рукописи, заключающей произведения Сулаймана ал-Махри и Ахмада ибн Маджида. III. «Введение в арабскую морскую астрономию» (сборник из восьми статей). IV. Полный перевод произведений Сулаймана ал-Махри из тома II. V. Перевод географических частей произведений Ахмада ибн Маджида из томов I и II. VI. Перевод португальских лоций, созданных по арабским источникам, и арабский морской словарь. Осуществление этого плана ввело бы в науку большое количество свежего материала, разработка которого потребовала бы, конечно, усилий не одного поколения ученых; то, что Ферран, как когда-то де Слэн, отказывался от исследования чисто навигационных частей в сочинениях Ахмада ибн Маджида, говорит, что самая трудоемкая доля текста оставлялась для будущих исследователей.

Ферран успел осуществить задуманное предприятие лишь наполовину: первый из намеченных томов издан в 1921–1923, второй – в 1925, третий – в 1928 году. Последующее время, вероятно, было занято напряженной работой над подготовкой дальнейших выпусков, однако увидеть свет им не пришлось: 31 января 1935 года ученый ушел из мира живых, и продолжателей у него на родине не оказалось. Он жил одиноко, и личная библиотека после его смерти была приобретена старинной лейденской фирмой издателей Брилль; бумаги же вместе с другими вещами увез из Парижа брат-коммерсант, проживавший не то в Марселе, не то в Тулузе. Это все, что я смог узнать после своих писем во Францию, Англию и Голландию. Вероятно, среди увезенных бумаг были и авторские рукописи последних трех томов, может быть, уже готовые к печати. Кто знает, не выплывут ли они когда-нибудь, как обычно бывает, при самых неожиданных обстоятельствах? Скорее, однако, можно предполагать, что они безвозвратно утрачены, и долг наследников дела Феррана – восстановить их для науки своим трудом. Выдающийся французский исследователь не был свободен от неизбежных ошибок первооткрывателя, не успел он дойти и до высшей точки раскрытия исторического документа – критического издания. Но то, что свершил его страстный ум, намного приблизило день, когда эта точка будет достигнута.

«Не один раз в начале своей работы в Азиатском музее, – вспоминает академик И.Ю. Крачковский в книге „Над арабскими рукописями“, – мечтая о продолжении розеновского описания старых коллекций, я брал в руки один смешанный турецко-арабский сборник. Ничьего внимания он раньше не привлекал, и рукописная заметка о нем, неизвестно кому принадлежавшая, была малозначительна. Центр составляли турецкие части: они были переписаны красиво и, с точки зрения тюрколога, даже довольно рано – в начале XVI века. И по содержанию они могли бы представить интерес. Там был какой-то трактат по музыке, который теперь, после исследований Фармера, мог бы, вероятно, найти свое место в науке. Была там одна из довольно ранних, очевидно, версий романтически-трагичной истории Джем-султана²¹...

...Арабские части казались мне более „серыми“. Они были переписаны довольно небрежно, другой рукой, и сводились главным образом к трем „урджузам“²² – стихотворениям какого-то Ахмеда ибн Маджида с довольно скучным, как мне казалось, перечнем морских переходов где-то около Аравии. Автора идентифицировать мне не удалось: наши обычные руководители Брокельман и Хаджжи Халифа ничем здесь не помогали. Я и не был особенно настойчив – стихотворения производили на меня впечатление набора имен для

²¹ Сын турецкого султана Мухаммада Завоевателя, отравленный в Риме в 1495 году. – *Прим. авт.*

²² Так у арабов называется поэма, написанная распространенным стихотворным размером *раджаз*, которым пользовались при составлении учебников, где стихотворное изложение должно было облегчить запоминание прочитанного. – *Прим. авт.*

какой-то дидактической малопонятной цели. Несколько раз я брал сборник опять в руки, но описание его так и не двинулось.

Между тем приближалась середина 20-х годов. Постепенно наши международные сношения восстанавливались; начинала поступать с Востока и Запада литература, понемногу заполнявшая накопившиеся за время войны громадные лакуны. Иногда я не знал, какую брешь в своих познаниях скорее заделывать – так много интересных новостей приносили эти книги. То я хватался за египетские издания, с большой радостью констатируя, что за эти годы перерыва выросли почти не существовавшие раньше арабская драма и новелла. То я бросался к европейской арабистике, поглощая новые издания классических текстов и статьи о новых открытиях. Пробегая их, я любовался, с каким мастерством французский ориенталист Ферран строил неизвестную раньше интереснейшую главу о морской географии XV века: только с его знанием и ближневосточных, и малайских, и индийских, и дальневосточных языков можно было это сделать, только комбинация европейских и восточных источников приводила к таким незыблемым результатам. Постепенно фигура арабского лоцмана Васко да Гамы начинала приобретать живое обличье. Что у него при первом переходе из Малинди в Каликут в 1498 году был пилот араб, об этом давно было известно, но „Малемо Канака“ или „араб из Гуджерата“ португальских источников звучали как-то темно и смутно. Комбинируя эти данные с арабскими и турецкими свидетельствами, Ферран как раз в эти годы сумел установить настоящее арабское имя пилота, выяснить, откуда он был родом. Мало того, за время нашего разобщения с мировой наукой удалось обнаружить в Национальной библиотеке в Париже и собственные произведения этого пилота; он был не только выдающийся практик, но и теоретик. С немного иронической улыбкой я читал, как до 1912 года эти сочинения лежали никому неизвестными в Национальной библиотеке, хотя одна рукопись находилась там с 50-х годов.

И почти в тот же самый момент я почувствовал, как краска стыда приливает у меня к лицу. Ахмед ибн Маджид! Да ведь так зовут автора тех стихотворений, что находятся в сборнике, который я со скучающим видом несколько раз держал в руках! С ощущением не то провинившегося школьника, не то наказанного щенка я опять схватил рукопись, которая так обидно посмеялась надо мною за невнимательно-высокомерное отношение к ней. Сомнений быть не могло. И содержание и форма этих „урджуз“ были совершенно аналогичны тем, которые обнаружил сотрудник Феррана в Париже. Конечно, это не был автограф знаменитого лоцмана, но, судя по всем данным, копия могла быть сделана вскоре после его смерти. Все урджузы представляли так называемые „лоции“ – морские маршруты с указанием переходов и общими сведениями о пути. Одна касалась плавания по Красному морю, вторая по Индийскому океану, третья описывала дорогу оттуда к Восточной Африке. В рукописи Национальной библиотеки их не было, и я поспешил написать Феррану с просьбой сообщить, не известны ли ему три эти лоции по каким-нибудь другим источникам. Ответ был отрицательный, и, по мнению Феррана, их следовало считать униками. Разбор их без предварительной подготовки был делом нелегким, и, несмотря на весь соблазн, я, поглощенный тогда другими обязанностями, не мог за это взяться. Только в одном докладе в Географическом обществе я показал на экране снимок с первой страницы одной из лоций, на которую с интересом смотрели наши моряки. Ферран охотно взялся за предложение обработать открытые уника для издания. Не знаю, успел ли он приступить к этому, но вскоре, в 1935 году, я получил присланное по хорошему обычаю лаконичное печатное сообщение о его смерти. Продолжателей во Франции у него не нашлось, и наши лоции пилота Васко да Гамы опять стали без движения на полочку...»²³

²³ Крачковский И.Ю. Лоцман Васко да Гамы // *Его же*. Над арабскими рукописями. М.-Л., 1948. С. 90–93.

* * *

Осенью 1936 года кафедра семито-хамитских языков и литератур Ленинградского университета направила меня, студента IV курса, к Игнатию Юлиановичу Крачковскому для индивидуальных занятий под его руководством. Незадолго до этого И.Ю. Крачковский предложил мне в свободное время описывать арабский книжный фонд Института востоковедения Академии наук²⁴. Я с радостью согласился и вот уже некоторое время дважды в неделю приходил в Институт и составлял библиотечные карточки. В первое мое посещение после решения кафедры Игнатий Юлианович подошел к отведенному мне столу:

– Ну вот, так вы уже. может быть, слышали, что кафедра прикомандировала вас ко мне для специальных штудий. Чем же вы хотели бы заниматься?

Я не ожидал, что будут спрашивать моего мнения о предмете занятий, и смутился:

– Не знаю, Игнатий Юлианович. Так много интересного. Хотелось бы и одним, и другим, и третьим.

Крачковский улыбнулся:

– Это верно, что много интересного. И конца ему никогда нет. Жизнь ваша только начинается, и я думаю, что вы успеете заняться «и одним, и другим, и третьим». А пока я хотел предложить вам приступить к изучению рукописей. Это дело нужное для всякого арабиста независимо от его профиля и эпохи, которой он занимается. Понимаете, можно не располагать силами, чтобы осуществить критическое издание, – в конце концов, это удел не всех, да и не каждая рукопись этого стоит, – но уж, конечно, при всех обстоятельствах надо уметь определить тип почерка, которым переписано то или иное сочинение, выяснить автора, название, структуру произведения, дату написаний и переписки, место создания списка и т. д., и т. д. . . . Все это не всегда легко, но вот некоторые считают, что это даже повышает интерес к работе. Потом. потом, ведь каждая рукопись имеет свою судьбу, часто весьма любопытную, а распознавать ее приходится иногда по мельчайшим деталям в тексте, так что и с этой стороны полезно почаще держать рукописи в руках и уметь в них разбираться. Ну, так как вы, решили или нет?

Нужно ли было еще спрашивать! На первое занятие Игнатий Юлианович принес «Макамы» ал-Харири с цветными иллюстрациями и обстоятельно, что называется «по косточкам», разобрал всю книгу. До этого, готовясь к докладу в студенческом научном кружке, я имел дело с фототипией лейденской рукописи «Путей государств» географа X века ал-Истахри, после чего мне казалось, что я превзошел многое. Разбор, сделанный Крачковским, пристыдил меня: я увидел, что знакомство с фототипией, делавшееся урывками от университетских занятий и к обязательному сроку, дало мне весьма поверхностные знания, а гипотезы, которые я уже позволял себе строить, напоминали карточный домик: дунь – и развалится. С первого занятия я вышел со смешанным чувством радости от того, что сразу узнал столько интересных вещей, и досады на свои мизерные знания. На следующий раз мой наставник принес уже рукопись «дивана» – сборника стихотворений знаменитого поэта VII века ал-Ахтала, и я два часа как зачарованный слушал неторопливый рассказ о ее удивительной судьбе.

Рукописи сменялись рукописями. Из-за строк, представлявших многие типы письма: прямолинейный «куфический», и круглый «магрибинский», парадный «сулс» и будничные «насх», беглый «талики» и ломаный «рука», – оживленные задумчивым повествованием, вставляли вереницы лиц и событий, мысли и деяния давно ушедших людей, сверкали грани арабского языка, о которых я и не подозревал, тончайшие оттенки одного из труднейших язы-

²⁴ С 2008 г. – Институт восточных рукописей РАН в С.-Петербурге.

ков мира. Постепенно лекция все более переходила в беседу: впечатления переполняли меня, и я торопился высказать свои соображения об очередной рукописи. Игнатий Юлианович все больше и больше уступал мне слово, превращаясь во внимательного слушателя, и осторожно поправлял меня; не раз, увлекаясь, я «возлетал в заоблачные выси», и тогда несколько его спокойных замечаний сводили на нет мою пылкую тираду. Мало-помалу я начал осваиваться с техникой работы над рукописями; решающий опыт пришел позже, а главным приобретением этого незабываемого периода было чувство уважения к рукописному документу истории – необходимое условие для того, чтобы он, поддавшись длительным целеустремленным усилиям, мог заговорить живым языком свидетеля изучаемой эпохи.

Рис. 4. И.Ю. Крачковский

В занятиях незаметно пробежали зима и весна. В мае 1937 года Игнатий Юлианович сказал:

– Ну вот, наши штудии, по-видимому, должны теперь закончиться: наступает экзаменационная сессия, и нам с вами будет не до рукописей. Я вам тут для, так сказать, испытания принес один образец, вы его посмотрите. Это рукопись с разными сочинениями, но вы все не трогайте, а выберите какое-нибудь одно и попробуйте на следующем занятии рассказать, что оно собой представляет.

Он ушел, а я принялся рассматривать рукопись. Это был томик небольшого формата в красном кожаном переплете с тиснением и застегками. То белые, то желтоватые страницы со слабым гляncем были исписаны разными почерками. Это навело на мысль, что здесь сшиты воедино несколько сочинений, и она подтвердилась, когда удалось определить их названия. Я насчитал семь трактатов. Часть сборника была написана по-турецки, и я исключил ее из поля зрения. Отрывки нравоучительного содержания в оставшемся тексте тоже не привлекли большого внимания. Взгляд задержался на 83-й странице, где после обычных славословий в честь Аллаха и Его пророка Мухаммада краткая прозаическая заметка описывала содержание следовавшей за нею поэмы. Меня всегда интересовали арабские географические названия, а здесь они были рассыпаны густо, и многие из них я встретил впервые; были тут и слова, смысла которых я не знал, по-видимому, думалось мне, специальные термины.

Я стал просматривать стихотворный текст и с первых же строк вступил в дремучий лес неизвестной мне топонимики и астрономической терминологии. Судя по контексту, это было

описание мореходных маршрутов в западной части Индийского океана. Должно быть, здесь много интересного, но какой трудный текст! Какой трудный текст! На занятиях в университете я уже читал отрывки из арабских географических сочинений почти без подготовки, *à livre ouvert*²⁵, но здесь я спотыкался на каждом шагу и беспрестанно лез в словарь. Увы, подручный словарь Гиргаса, бывший в ходу не у одного поколения арабистов, на этот раз отказывал почти во всех случаях. Я полез в толстые словари не специального, как Гиргас, а общего типа, арабско-английские, арабско-французские, арабско-уже не помню какие, но нашел далеко не все слова. Оставалось обратиться к арабским толковым словарям. Эти многочисленные тома большого формата с мелким шрифтом лежали на нижней полке шкафа в помещении, где я работал. Начинающему юнцу к ним и подойти страшновато: удастся ли что-либо выловить в этом широко разлившемся в массивных фолиантах море языка? «Вот Игнатию Юлиановичу, вероятно бы, никакие словари не понадобились, – уныло думал я. – Уж он-то, наверное, все это знает...» Знает ли? Как-то я, смущаясь, спросил у него: «За какое время вы изучили арабский язык?» Член многих иностранных академий и научных обществ, избранный у нас академиком в неполные 39 лет, усмехнулся и, как мне показалось, несколько застенчиво сказал: «Я его, знаете, и сейчас изучаю. А чтобы постичь весь, думаю, жизни моей не хватит». Это был первый полученный мною урок научной скромности, качества, которое составляло один из секретов обаяния личности академика Крачковского. С другой стороны, пробелы в знаниях могут быть и у таких крупных ученых, просто даже потому, что в силу тех или иных причин какая-то группа текстов может выпасть у них из поля зрения, следовательно, соответствующая область языка изучена ими в меньшей степени, чем другие. Крачковский сознавал это, конечно, весьма отчетливо и в ряде областей арабистики охотно отдавал пальму первенства другим работникам науки, иногда и не имевшим высоких официальных званий.

При рассмотрении заинтересовавшей меня рукописи удалось различить, что мореходных поэм было не одна, а три: вторая переносила читателя в восточные воды Индийского океана, третья возвращала его к аравийским берегам. Имя автора, написанное небрежной скорописью, не имело различительных точек при буквах, но с помощью словарей я его разобрал: Ахмад ибн Маджид. Обратившись к международному справочному изданию – «Энциклопедии ислама», я, к своей радости, нашел там под этим именем статью, подписанную не известным мне до той поры Габриэлем Ферраном.

«Энциклопедия ислама» существует на английском, французском и немецком языках, а теперь еще и на турецком. В провинциальной школе 20-х годов изучать иностранные языки мне не приходилось, впервые я столкнулся с ними в университете. Длительные усилия дали свои результаты, но для научных занятия вузовских знаний было недостаточно, и мне пришлось думать об углублении знакомства с западными языками, главным образом с французским, ибо в нем я успел меньше, чем в других, к тому же на нем были написаны работы Феррана об арабском лоцмане, которых, как я увидел по библиографической справке к его статье, было довольно много.

Поздно ушел я в тот день из Института востоковедения, а назавтра меня вновь потянуло к рукописи лоций, и я, урвав время, прибежал в Арабский кабинет. Дни сменялись днями, незаметно промелькнула неделя, данная мне Игнатием Юлиановичем для ознакомления со сборником.

– Ну, – шутливо спросил он при встрече, – нашли что-нибудь достойное вашего внимания?

– Да, Игнатий Юлианович, – твердо сказал я. – Ахмад ибн Маджид. Тут три его лоции.

– Ну что же, очень хорошо. Много ли вы успели узнать об авторе?

²⁵ :С листа» (франц.).

Я, волнуясь, рассказал о том, что смог почерпнуть из энциклопедической статьи Феррана, потом перешел к описанию рукописи. Крачковский внимательно слушал, изредка задавая короткие вопросы; это помогало мне ничего не забыть. Самое поразительное свое открытие я приберег на конец:

– Игнатий Юлианович, мне кажется... впрочем, может, я ошибаюсь. Но Ферран не говорит об этой рукописи ни слова. Упоминает тридцать два произведения Ахмада ибн Маджида – тридцать два! – а о нашей рукописи не говорит ничего. Неужели это. единственный экземпляр в мире?

– Да, наша рукопись – уник, – ответил Крачковский, – и можно только радоваться, что вот на нее опять обращено внимание. Я ведь когда-то посылал ее снимок Феррану, но его не стало, и наш уник лежит, как лежал.

– Лежит второе столетие! – заметил я. – Ведь о нем говорится еще в каталоге Френа за 1819 год!

– И даже в каталоге Руссо за 1817-й. Но что делать? *Habent sua fata libelli*²⁶, очевидно, и манускрипты тоже. Ну, да ведь все-таки год на год не похож, авось, кто-нибудь когда и заинтересуется этими лощиями.

Игнатий Юлианович вздохнул, на его лицо, оживленное в продолжение нашей беседы, легла тень грусти. Дальше разговор уже как-то не вязался, и мы расстались. На прощание он сказал:

– Теперь наши занятия с вами формально закончены, и я на кафедре об этом скажу. Мнение мое таково, что общение с рукописями было для вас небесполезным. Ну, а если что по этой части вас будет интересовать дополнительно, – обращайтесь, и я, и другие сотрудники Арабского кабинета к вашим услугам.

Май бежал к концу, вплотную подступала экзаменационная сессия, а у меня, как говорится, «еще и конь не валялся»: загадочный Ахмад ибн Маджид и уникальная рукопись его лощий неторопливо, но властно входили в мою жизнь, занимая в ней все большее место. Белые ленинградские вечера этой поры я просиживал в Институте востоковедения, штурмуя томик в красном переплете, и каждый раз узнавал крохотный кусочек нового. Но и самый маленький успех увеличивал энергию: чем дальше я продвигался в знакомстве с рукописью, тем сильнее она меня затягивала. Нехотя пришлось оторваться от нее, чтобы не провалить сессию. Но вот все зачеты сданы, в моем матрикule – свежая отметка о переводе на пятый, последний курс...

Теперь можно вернуться к лощиям. На каникулах в крохотной родной Шемахе, увековеченной пушкинским гением в имени «шамаханской царицы»; забыв обо всех летних удовольствиях, отрешась от всего света, я дни напролет просиживаю за Ахмадом ибн Маджидом и радуюсь, что никуда мне от него уходить не надо, вот уж тут можно свободно поразмыслить, что к чему в этой трудной, так медленно поддающейся рукописи! Перевожу пока лишь краткие прозаические введения к лощиям, а что будет, когда придется разбирать стихотворный текст! Я думаю об этом с ужасом и любопытством. Какие-то откровения ждут меня там? Справлюсь ли я с этими лощиями? А если нет? Игнатий Юлианович грустно вздохнет: «Авось, кто-нибудь когда и заинтересуется...» Так что, мол, не горюй, не ты, так другой издаст эту рукопись. Но почему не я? Вот окончу университет, поступлю в аспирантуру и сосредоточусь на изучении своего уника. У аспирантов, говорят, ни лекций, ни семинаров нет, своим временем они располагают свободно. Так что я, ну, пусть не сразу, год пройдет, два, три, но одолею же эти лощии, непременно одолею!. Осенью 1937 года, вернувшись в Ленинград, я при первой же встрече с Крачковским, сияя, поделился своей радостью: за лето полностью подготовлено предварительное описание рукописи Ахмада ибн Маджида.

²⁶ :Книги имеют свою судьбу» (лат.).

Долгие зимние вечера я просиживал в машинописном бюро, перепечатывая свой опус об арабском лоцмане. 3 февраля 1938 года он, с рекомендацией Игнатия Юлиановича, был принят к печати. Счастливая гордость переполняла меня: усилия не пропали даром, положено доброе начало научной деятельности на избранном поприще; я нашел свою тему, а забытая рукопись нашла исследователя; кончаются трудные университетские годы, всего четыре месяца отделяют меня от защиты диплома. Я счастлив в учителях: после блестящего полиглота Николая Владимировича Юшманова, у которого я прошел азы науки, судьба послала мне крупнейшего знатока арабской литературы, о котором сами арабы говорят, что «русский профессор Крачковский знает нашу культуру лучше, нежели мы». А что они скажут, когда под руководством Крачковского в далекой России будет открыта новая глава арабистики, глава Ахмада ибн Маджиди? Светлое состояние длилось ровно неделю. 10 февраля 1938 года я по ложному обвинению оказался в тюрьме, откуда смог вернуться к ставшей дорогой для меня рукописи спустя девять лет.

* * *

В августе 1946 года по пути в Ленинград я разыскал Игнатия Юлиановича в подмосковном санатории «Узкое», где тремя годами ранее им была написана часть замечательной книги «Над арабскими рукописями». Я всегда с гордостью вспоминаю, что эта книга за короткое время была издана в нашей стране пять раз! Для работы из нашей области знания – случай беспрецедентный. Игнатий Юлианович прислал мне в Сибирь авторский экземпляр первого издания с теплой надписью; было это в 1945 году, как только мне удалось восстановить с ним связь. В «Листках воспоминаний о книгах и людях», как стоит в подзаголовке, нашлось место и для уникальной рукописи лоций. Упоминание о давнем студенте, когда-то ее изучавшем, заканчивалось словами: «...он рос на моих глазах, но судьба прервала его научную работу в самом начале». И рядом: «Так этот замечательный сборник все еще ждет своего исследователя».

И вот это свидание в санаторном парке после долгих лет разлуки, которая могла стать и бесконечной. Разговор не смолкает ни на мгновение. Игнатий Юлианович пытливо оглядывает меня, вероятно, его интересует, смогу ли я когда-нибудь полностью вернуться к своему делу. Увлеченно делюсь планами на будущее, а главное опять приберег к концу. Уже прощаясь, робко высказал давно выношенную мысль: хочу посвятить рукописи Ахмада ибн Маджиди свою кандидатскую диссертацию. Игнатий Юлианович строго ответил:

– По-моему, вам надо сперва окончить университет.

А у самого глаза сияли ласково и светло.

* * *

25 октября 1946 года я окончил Ленинградский университет, а 11 ноября завершил сдачу кандидатского минимума. Проживать в Ленинграде я не мог и поселился в городе Боровичи Новгородской области. Здесь 1 мая 1947 года началась работа над диссертацией об Ахмаде ибн Маджиде.

Исследование, посвященное трем лоциям ленинградской рукописи, естественно, опиралось на их полный текст, фотографией которого я предусмотрительно обзавелся. Арабские сочинения старого времени часто представлены в нескольких рукописях, рассеянных обычно по разным странам, и издатель должен сличить все списки и выработать единый критический текст, по которому делается перевод. Три наши лоции пока известны по единственному экземпляру, и это обстоятельство, освобождая от необходимости сличения, в то же время усложняет работу, ибо там, где правильное чтение текста может подсказать одна из

параллельных рукописей, исследователю приходится надолго задумываться самому; в данном случае, задача усложнялась еще и вследствие скудости и малоизученности сравнительного материала: ни один арабский трактат по мореходству не был к тому времени издан, и мне приходилось медленно продвигаться по целине.

Нужно добавить, что язык лаций далеко не всегда удерживается в литературной норме, переписчик часто сбивается на разговорную речь, откуда, с одной стороны, замена общеарабских слов местными, с другой – нарушения в правописании. Вот почему и сейчас, через столько лет, когда мне хотелось бы внести некоторые поправки в свою раннюю работу, я, при всей выработавшейся годами строгости к себе, без труда нахожу оправдание вкравшимся неточностям. Помощниками мне были, во-первых, статьи Феррана, его друга – швейцарского синоведа Л. де Соссюра, издателей турецкой морской энциклопедии Биттнера и Томашека, а также другие этюды, позволившие определить ряд уникальных географических названий; во-вторых, собственный понемногу копившийся опыт, который в некоторых случаях уже играл самостоятельную роль. Таким образом, переписав своей рукой все 1152 строки текста, чтобы лучше в них вникнуть уже в ходе подготовки основы, я в конце лета 1947 года смог приступить к переводу.

Часть препятствий удалось преодолеть сразу благодаря предварительной подготовке. Но трудный текст ставил все новые и новые вопросы, для ответа на которые моих знаний, конспектов и подручных словарей не хватало. Нужны были свежие книги, живая консультация, и я время от времени приезжал в Ленинград. Крачковский назначал время встречи, обычно это было семь часов вечера, и, боясь опоздать даже на минуту, я приходил в старинный академический дом на набережной Васильевского острова.

Хозяин вводил меня в кабинет со стенами сверху донизу в книжных полках, я доставал длинный листок с вопросами и, задавая вопрос, спешил высказать свое мнение. Игнатий Юлианович сосредоточенно слушал, потом медленно вставал и подходил к какой-нибудь полке: «Что же, может быть, вы и правы. Вот Карра де Во говорит то же самое...» Или: «Все это так, но предложенный вами перевод фразы сомнителен. Посмотрите еще раз у Феррана...» Или: «А вы видели по этому вопросу новую арабскую работу? Посмотрите ее, автор – очень почтенный, так что учесть ее будет полезно...» Он безошибочно находил по памяти нужные страницы называемых книг, прочитывал со мной те или иные места и в скупых и точных словах широко развивал мысль автора. Некоторые из его книг уезжали со мной в Боровичи до следующего приезда. Кроме этих бесед, пребывание в Ленинграде использовалось для усиленных занятий в библиотеках. Все дни во время этих поездок были расписаны по часам.

Перевод лаций понемногу продвигался вперед, мгла, окутывавшая старые страницы, отступала. Углубляясь в текст, я иногда забывался до такой степени, что чувствовал себя рядом со знаменитым кормчим на борту его хрупкого судна, видел громадные зеленые волны и ощущал соленое дыхание моря на разгоряченном лице. Плавание было трудным и увлекательным. Непривычные названия далеких земель сменялись причудливыми именами звезд, по течению которых нужно править корабль, описания фарватера чередовались с рассказами о гаванях «Индийского моря». Но что это? Я вижу слово *ифрадж* «франки». Еще франки. Так называли арабы европейцев Западного Средиземноморья в отличие от *рум* – ромеев, населявших области бывшей Восточной Римской империи. «...Здесь поскользнулись франки, доверившись муссону...», вследствие чего «их мачты перевернулись в воду, а корабли – над водой, брат мой!» Текст возвращается к техническому описанию маршрута, но «франки» уже не выходят у меня из головы. Это, конечно, не французы, не итальянцы, не испанцы, которых в ту пору здесь не было; это старые знакомые арабского мореплавателя – посланцы лиссабонского двора, которые, успев в течение XV века овладеть Западной Африкой от Сеуты, взятой в 1415 году, до мыса Доброй Надежды, открытого Бартолемеу

Диашем в 1486, на исходе столетия начали выглядывать из-за южной оконечности «черного материка» в манящую даль Индийского океана.

Но почему я говорю «старые знакомые»? Ведь крайняя дата произведений Ахмада ибн Маджида, как это установил Ферран, – 1495 год; это на три года предшествует знакомству арабского моряка с Васко да Гамой. Да, я основываюсь пока лишь на интуиции. Но вот... «В течение месяца шло странствие франков жемчужными отмелями.» Дальше! Снова суховатое, для усталой головы иногда даже довольно однообразное техническое повествование: «Если отправишься из Кильвы в путь по высокой воде – плыви на закат звезды Катафалк, звезды же Лужок, я разумею, восходы. К Мультбайуни далекому плыви открытым морем по звезде Скорпион – это и есть течение! – плыви к Софале, а там – шесть мер звезды Катафалк, уразумей описание этого. Остерегайся, коли сократишь измерения – ты согрешишь, и тебя забудет мир.» Следует небольшое описание Софалы, гавани на восточноафриканском берегу, которую еще древние арабы называли *суфалат ат-тибр* «золотая Софала»: к ней тяготел обширный район золотодобычи, и отсюда арабские корабли вывозили драгоценный металл во все концы Старого Света. Но вот опять «франки»: они «пришли в Каликут в году девятьсот шестом с лишком, продавали там, и покупали, и владели, подкупали самири²⁷ и притесняли. Прибыла с ними ненависть к исламу! И люди в страхе и заботе. Мекканская земля стала отрезанной от владений самири, и Гвардафуй был прегражден для путешественников». В этом сообщении все детали интересны, но всего важнее дата: «год девятьсот шестой» мусульманского летосчисления соответствует 1500–1501 годам христианской эры. Это, как говорят филологи, *datum ante quem non*, то есть время, раньше которого наш памятник не мог быть создан; следовательно, лоции ленинградского уникама – единственные из дошедших до нас произведений прославленного морехода, написанные уже после его участия в экспедиции Васко да Гамы! Да, это важно.

Я взволнованно формулировал предварительные выводы: наша рукопись дополняет составленный Ферраном список произведений Ахмада ибн Маджида тремя неизвестными до сих пор сочинениями; она сохранила самые поздние творения арабского мастера; она протягивает нить жизни автора по крайней мере на шесть лет вперед, вводя ее уже в XVI век; но самое главное... самое главное... Я вновь прочитал захватившие меня строки: «... продавали там, и покупали, и владели, подкупали самири и притесняли. Прибыла с ними ненависть к исламу! И люди в страхе и заботе.» Да, португальцы были таковы, и Ахмад ибн Маджид, который тремя годами ранее привел их корабли к Индии, говорил об этом прямо. Странно было слышать такую резкую филиппику из уст человека, которого исследования Феррана представляют образованным, но бесстрастным профессионалом, не думающим о чем-нибудь, кроме своей службы; но упоминаемый им Каликут – это как раз тот богатый порт на малабарском побережье, где несший арабского лоцмана флагман «Сао Габриэль», а за ним другие два корабля первой экспедиции Васко да Гамы бросили якорь 20 мая 1498 года; что касается «мекканской земли», то есть Аравии, и мыса Гвардафуй на крайнем востоке Африки, то их традиционные морские связи с внешним миром были нарушены после перенесения в Индийский океан действия инструкции короля Альфонса V от 6 апреля 1480 года, которая предписывала португальским судам захватывать корабли под чужими флагами, если они оказывались на курсе у берегов Гвинеи, и сбрасывать команду в море. Все это говорило, что текст мне удалось разобрать правильно. Тянуло дальше: я хотел укрепиться в новом понимании арабского пилота.

²⁷ Арабское *самири* (в русской популярной литературе «заморин») передает индийское *самудриа* в сочетании *самудриаараджа* «властелин морского берега»; таков был титул правителя Каликута в XV веке. Со словом *самудриа* связано и название острова Суматра.

...Звездные меры для правильного устремления судна и затерянные в океане острова, где находят слоновую кость и амбру. «Корабли франков пришли сюда и стали владеть им (одним из этих островов) после того, как напали на него.» Воды Восточной Африки. «По этому пути франки вернулись из Индии, занимавшей их, в Зандж (область на восточноафриканском побережье) и затем, в девятьсот шестом году, снова прибыли в Индию, брат мой. Приобрели там дома, поселились, водили дружбу и опирались на самири. Питали люди сомнение насчет них – этого мудреца или того вора безумного, а они чеканили монету посреди того порта – порта Каликут – во время путешествия. О, если бы я знал, что от них будет! Люди поражаются их делам».

...Я протер усталые глаза, не веря им. Нет, сомнения быть не могло: затерянное в середине рукописи, в двадцатой строке мелко исписанного листа, в меня глядело короткое полустиишие, и я ничего не видел, кроме него: *Я ляйта шири ма якуну минхум!* «О, если бы я знал, что от них будет!» Стены моей комнатки раздвинулись, я словно бы всем существом, а не одной лишь возбужденной мыслью перешагнул рубежи страны и века, и вот оно, загадочное «Индийское море», широко разлившееся меж трех частей света, и вот оно, знаменитое пятнадцатое столетие, век Ахмада ибн Маджида и Афанасия Никитина, Энрико Мореплавателя и Бартоломеу Диаша, Васко да Гамы и Христофора Колумба. Старый лоцман, стоя у грани своей отшумевшей жизни, видит чужие корабли, суетливо бороздящие его родное море, видит, как, отброшенное с океанских просторов в узкие зоны каботажного плавания, чахнет отечественное судоходство. Ему вспоминается яркий апрельский день 1498 года, когда адмирал «франков», добравшихся до Малинди, знакомясь, показал ему бывшие на флагмане европейские приборы; нет, это не ошеломило «мавра из Гузерата», он с достоинством рассказал о своем инструментарии, предъявив его воочию, и да Гама, оценив эту счастливую находку, заторопился к Индии. Если бы знать их цель!

Лоцман блестяще провел флотилию, прорезав западную часть Индийского океана почти по самой середине; это позволило ему лавировать между двумя противоборствующими ветрами, применяя то простой, то усложненный поворот на другой галс²⁸ через фордевинд²⁹, вследствие чего ни одно судно не легло в губительный в этих местах дрейф и половина океана была пройдена всего за двадцать шесть суток! Но если бы знать их цель!

Португальцы оставались в Каликуте с 20 мая по 10 декабря 1498 года, когда обострившиеся отношения с местным самири заставили их, пользуясь попутным муссоном, отплыть обратно в Европу. Экспедиция вернулась в Лиссабон осенью 1499 года, а уже в 1500 к Индии устремились корабли Педру Алвариша Кабраля, будущего первооткрывателя Бразилии, за ними, в 1502 году, на Восток ушла вторая экспедиция Васко да Гамы. На этот раз двадцать кораблей, имея на борту пехоту и пушки, превратили цветущий Каликут в груды развалин. Так начиналось в Индии владычество одной из мировых держав XVI века.

«О, если бы я знал, что от них будет!» – говорит Ахмад ибн Маджид, и я вижу его скоро постаревшее лицо и чувствую глухую душевную боль в словах. Нет, это не ферранов Ахмад ибн Маджид, спокойный и уравновешенный водитель кораблей, блистательный, но холодный знаток, нет! Старинная рукопись, сохранившая горькие слова раскаяния, донесла до меня биение сердца великого морехода, обнажила его мятущуюся душу. Я сижу на узкой скамеечке за некрашеным столиком, заваленным бумагами, и тихо наслаждаюсь счастьем, не так уже часто выпадающим ученому. Вот он каков, Ахмад ибн Маджид!

Диссертация о трех лоциях защищалась 23 июня 1948 года в Ленинградском университете. Народу в аудитории было много – учителя и сверстники, новые студенты и совершенно незнакомые люди. Игнатий Юлианович и африканист Дмитрий Алексеевич Ольде-

²⁸ Галс (голл.) – направление движения судна относительно ветра.

²⁹ Фордевинд (голл.) – ход судна по ветру.

рогге, выступавшие официальными оппонентами, высоко оценили значение последних поэм Ахмада ибн Маджида. Наш уник, простоявший на полке хранилища рукописей без движения более ста лет, с того памятного мне дня начал входить в научный обиход, и его данные будут учитываться нынешним и следующими поколениями ученых.

* * *

Через день я возвращался в Боровичи, к месту службы в Новгородском областном институте усовершенствования учителей. Мною владела новая мысль: нужно немного перевести дыхание, а потом приниматься за «Книгу польз» Ахмада ибн Маджида.

«Книга польз в рассуждении основ и правил морской науки» – главное произведение арабского пилота, занимающее центральное место в парижской рукописи. Изучая статьи Феррана об Ахмаде ибн Маджиде, я встретил подробное описание этого труда, представившее его как универсальный свод мореходных знаний Востока в XV веке, вобравший достижения и прошлых эпох. Французский исследователь охарактеризовал «Книгу польз» как самое зрелое и яркое творение знаменитого лоцмана; мой интерес усилился, когда удалось выяснить, что критическое издание «Книги польз» не состоялось и, если не считать нескольких коротких фрагментов, переведенных Ферраном, ее содержание остается неизвестным. Еще в период работы над изучением трех лоций, в один из своих молниеносных «набегов» на Ленинград, я не вытерпел и, нарушив строгое расписание дел по диссертации, пошел в Публичную библиотеку, чтобы «уголком глаза» взглянуть на коронный труд моего автора. Здесь «Книга польз» имеется в феррановой фотокопии рукописи Национальной библиотеки, изданной в 1921–1923 годах в Париже. Скоро я наслаждался сознанием того, на какую золотую жилу попал: передо мною лежало громадное сочинение в прозе, пронизанное многочисленными стихотворными вставками, с массой незнакомых географических названий, множеством причудливых наименований звезд, пестрой вереницей имен и дат, а навигационные термины могли со временем составить материал для особого словаря. Сколько тут будет кропотливой работы, но какой мощный пласт свежего материала получит наша область знания, и только ли наша!

В этом тексте все своеобразно, все неповторимо; здесь даже и главы называются по-особому – «пользы», это значит, что написаны они не только и, вероятно, не столько для услаждения ока и уха, сколько «в рассуждении вящей полезности», то есть для того, чтобы дать современникам всеобъемлющее руководство по судовождению. Сколько тут нового, неожиданного и удастся ли все объяснить? Книга-океан лежала предо мной, я стоял на берегу, не зная, каково будет плавание; но в том, что доберусь до другого берега, не сомневался. Вечером, встретившись с Крачковским, я возбужденно поделился с ним впечатлениями от энциклопедии Ахмада ибн Маджида. Игнатий Юлианович слушал меня, глубоко задумавшись; когда я сказал, что хочу издать это сочинение, его лицо приняло сухое и замкнутое выражение, и он ответил:

– Слишком не торопитесь, знаете. Вот, кончите с тремя лоциями, там видно будет. После лоций сразу не надо ни за что браться, а следует хорошо отдохнуть. Ну, а так что ж... С этой «Книгой польз» вы, я думаю, со временем справитесь, иншал-лах³⁰. Только в таких делах никогда нельзя торопиться, тут ведь нужна очень основательная подготовка, которая, конечно, не может прийти сразу...

Защитив диссертацию о лоциях, я осенью 1948 года приобрел копию рукописи «Книги польз», 4 декабря началось ее изучение. Как бы напутствием к нему явилось мое свиде-

³⁰ *Иншаллах* (ин шаа Аллах) «если пожелает Аллах» – формула так называемого *истисна*, «ограничения», в арабском разговоре, здесь – с шутливым оттенком.

ние с Игнатием Юлиановичем вечером 17 ноября, как обычно, в его домашнем кабинете на Васильевском острове. Я торжествующе показал только что изготовленную копию: «Ну вот, Игнатий Юлианович, думаю начинать эту работу...» – «Что же, это хорошо, – отвечал он, – только помните, что я вам говорил: такая работа не терпит галопа... А вообще, все это очень полезно и нужно, особенно теперь, когда Феррана нет и, значит, некому ее делать в другом месте...» В этот вечер мы говорили о многом, но к энциклопедии больше не возвращались: разговор о ней был отложен до более обстоятельного знакомства с текстом, а пока Игнатий Юлианович внимательно расспрашивал меня о моем житье. Думал ли я, что эта встреча с ним окажется последней в моей жизни! В 1949 год я вступил с твердым намерением справиться с подготовкой критического издания к исходу 1950 года. Но из 177 страниц «Книги пользы» удалось, работая урывками, перевести 23, когда новая репрессия прервала работу на семь с лишним лет.

* * *

27 июня 1956 года я вернулся в Ленинград. Радость по поводу возвращения к любимому делу после многолетних скитаний смешивалась с горьким чувством утраты: Игнатия Юлиановича уже не было в живых. Он угас в студеную январскую ночь 1951 года, день в день через 43 года после того, как в этой же квартире остановилось сердце его учителя Виктора Романовича Розена, любимого наставника блистательной плеяды русских востоковедов, в которой звезда Крачковского сияла дольше других. Вслед за своим учителем академик Игнатий Юлианович Крачковский придал «державный бег» кораблю отечественной арабистики, и в этом отношении эта утрата будет восполнена нескоро.

Мне остро не хватало спокойного, ободряющего взгляда Игнатия Юлиановича, его неизменного доброжелательства по отношению ко всем, в ком он отмечал искру серьезного отношения к науке; недоставало его медлительно нисходивших, прочно пригнанных друг к другу, скупых и весомых слов, за которыми стояла мощь громадного опыта; я тосковал по его обаятельной человечности, привлекавшей к нему даже самые заскорузлые сердца. В один из первых дней по приезде я посетил его могилу на Волковом кладбище. Мысли мои мешались; я думал и о моем учителе, так рано, в неполные 68 лет, завершившем свой жизненный путь, и о своей работе, выполняя которую мне теперь не с кем поделиться сомнениями и догадками и не у кого получить добрый совет.

В декабре 1956 года Институт востоковедения предложил мне опубликовать исследование трех лоций. Призванное показать, что арабам исстари не было чуждо искусство судовождения, оно печаталось по свежим следам событий в зоне Суэцкого канала, утверждая историческое право арабской страны управлять водным путем, проходящим по ее территории. Книга под названием «Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджида, арабского лоцмана Васко да Гамы, в уникальной рукописи Института востоковедения АН СССР» вышла в мае 1957 года, через двадцать лет после начала работы над ней и в год, когда окончил свою почти столетнюю жизнь Морис Годфруа-Демомбин, первооткрыватель рукописей Ахмада ибн Маджида, давний сподвижник Феррана, надолго переживший своего друга.

Издание вызвало международный отклик: печатными рецензиями откликнулись Париж, Москва, Дамаск, Лиссабон, Варшава, Каир, Лейден, Краков, Прага, Сан-Пауло в Бразилии, Дар-эс-Салам в Восточной Африке, письмами – Кембридж, Уппсала, Аден, Момбаса; к Международному конгрессу по истории географических открытий в 1960 году вышел португальский перевод книги. Чуть позже начали готовить и перевод ее на арабский язык. О трех лоциях ленинградской рукописи узнали в небольшом княжестве Кувейт на берегу Персидского залива, где появились обширные статьи, посвященные выдающемуся деятелю отечественного судоходства; в восточноафриканском порту Малинди, откуда около 500 лет назад

Ахмад ибн Маджид повел корабли Васко да Гамы на восток, имя арабского мореплавателя было присвоено одной из центральных улиц. Светлые крылья славы знаменитого лоцмана вновь прошумели над миром.

* * *

12 мая 1958 года началась работа над текстом «Книги польз». Я приступал к ней с мыслью об ушедших учителях, более всего о том из них, личное общение с которым согревало меня в трудные годы жизни и заставляло стремиться вперед. Действительно, отвечал ли Игнатий Юлианович на мой очередной вопрос, принимая меня в домашнем кабинете, этом строгом храме науки, получал ли я от него письмо или книжный дар с теплой надписью, слышал ли доброе слово, – всегда словно бы крылья вырастали за плечами и вместе с тем вырастало чувство ответственности за каждое свое слово в разговоре и в печати: я боялся какой-нибудь неосторожностью уронить себя в глазах нелицеприятного судии, каким был глава нашей арабистики. Когда Игнатия Юлиановича не стало, ответственность увеличилась еще больше: бдительного ока больше нет, нужно во всем крупном и малом проверять себя самому.

Часть перевода «Книги польз», выполненная на рубеже 1948–1949 годов, уже не удовлетворяла меня в 1956-м: я горько иронизировал над тем, что восемь лет назад казалось мне верхом учености. Эта крутая требовательность к себе пришла не только от зрелых лет, но и от необычно большого для человека моих занятий общения с окружающей средой. Жизнь рано выплеснула меня из тихой бухты кабинетной науки в открытое море бытия. За долгие годы неволи я встретился с разнообразными людьми, в душевный мир многих из них мне удалось проникнуть. Сталевары и пахари, врачи и путейцы, счетоводы и пастухи, они олицетворяли профессиональное многообразие общества, где каждый делает для других то, чего не могут остальные, и я, вероятно, впервые ясно понял, что должен работать в науке не только для себя и для узкого круга своих коллег, но для всех этих людей, стараясь быть им таким же нужным, как нужны они мне.

Ахмад ибн Маджид, человек пятнадцатого столетия, сознавал свое место в обществе весьма отчетливо. Сколько арабских авторов истратили неповторимые годы жизни написание богословских и схоластических трактатов, под цветистыми заглавиями, разных «шархов» и «тафсиров», серые груды которых провожают век за веком в рукописных коллекциях мира без надежды обратить на себя чье-либо внимание, а он, теоретик от практики, крупнейшее свое произведение назвал ярко и точно: *Китаб ал-фаваид* «Книга польз». И вся его полувековая деятельность на море, и все его сорок мореходных руководств – разве это не непрерывное служение другим?

Посмотрев свой старый перевод начала «Книги польз», я решил заменить транскрибированную передачу арабских астрономических и частично географических названий русским переводом, а с другой стороны, значительно расширить комментарий. Так родилась потребность во втором варианте перевода. Последний, охвативший меньшее количество листов арабского текста, не учитывал некоторые технические тонкости и тоже не понравился мне.

С мая по ноябрь 1958 года был выполнен третий вариант, впервые отразивший текст до конца. 26 ноября 1958 г. я получил микрофильм дамасской рукописи «Книги польз», о которой когда-то писал в журнале Арабской академии Саид ал-Карми. Время до 30 июня следующего года было занято тщательной, слово за словом, сверкой 3364 строк арабского текста по обеим – парижской и дамасской – редакциям, в результате чего образовалась самая полная основа для перевода и комментария. В период с 1 июля 1959 по 23 ноября 1960 года я выполнил четвертый, последний, перевод «Книги польз».

Куда девалась та прыть, с которой скакал я по тексту в первый раз, когда мне удавалось переводить в течение вечера целую страницу – девятнадцать арабских строк! Теперь я подолгу просиживал над каждой строкой, часто над отдельным словом, пытаюсь проникнуть в скрытый смысл того или иного выражения, проследить все затененные повороты мысли автора, угадать недосказанное. Важно, однако, не только понять, но и передать. Как?

Проще всего, конечно, было двигаться по общепринятому пути – переводить Ахмада ибн Маджида, как и любой текст, современным русским литературным языком; за это не осудил бы даже Игнатий Юлианович, тонкий и взыскательный стилист. «Но, – думалось мне, – ведь „Книга польз“ – текст пятнадцатого столетия, когда многие слова русского языка звучали по-другому, чем сейчас, и сама структура фразы была иной. Как же я могу заставлять этот текст пользоваться „измами“ и „ациями“, столь обильно уснащающими нашу сегодняшнюю речь?» – «Ты переводишь для современного читателя, – возражал мне другой внутренний голос, – поэтому текст, когда бы он ни был создан, следует передавать на языке, которым пользуются сейчас». – «Нет, – отвечал я самому себе, – нет. Нынешним языком будет написан весь комментарий к тексту – пояснения, замечания, предположения, выводы, а также введение в изучение памятника – словом, все то, что исходит от издателя – человека XX века. Но язык издаваемого произведения, исходящий от древнего автора, должен сохранить аромат своей эпохи не только в подлиннике, но и в переводе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.